

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР. ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК XI

СТРАНЫ И НАРОДЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ,
ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1971

Л. И. Чугуевский

**ИЗ ИСТОРИИ ИЗДАНИЯ ВОСТОЧНЫХ ТЕКСТОВ
В РОССИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.**

(Литографические опыты П. Л. Шиллинга)

Расширение к началу XIX в. связей России с народами Востока вызвало живой интерес к изучению их языков, быта, истории и литературы. В 20—40-х годах XIX в. создается прочная научная база отечественного востоковедения. Именно с этим периодом связана многогранная, в частности востоковедческая, деятельность П. Л. Шиллинга — представителя той плеяды ученых, которая заложила основы отечественной науки в самых различных ее областях [32; 33].

По русской и зарубежной литературе П. Л. Шиллинг известен более всего как выдающийся деятель электротехники — изобретатель электромагнитного телеграфа, а также способа воспламенения подземных и подводных мин посредством гальванического тока [15; 22; 34].

Деятельность Шиллинга в области востоковедения многообразна. Он интересовался литературой и историей, культурой и нумизматикой стран Дальнего Востока, а главное — был большим энтузиастом собирания восточных рукописей и ксилографов. В. П. Васильев, отмечая роль Шиллинга в комплектовании библиотеки Азиатского музея, писал, что в его лице «для Востока Россия имела великого библиомана... и Академия наук обязана всеми своими главными богатствами, конечно, его усилиям. Он не щадил ни средств, ни трудов к приобретению не только книг, но и других предметов¹, характеризующих жизнь Востока» [5, 322].

Современник и друг Н. Я. Бичурина, одновременно с ним удостоенный в 1827 г. звания члена-корреспондента Российской академии наук по разряду литературы и древностей Востока, П. Л. Шиллинг предпринял успешную попытку наладить в России воспроизведение восточных текстов типолитографским способом. Введение Шиллингом литографии в России довольно подробно освещено в работе А. Ф. Коростина [16]. Что же касается выпущенных им памятников китайской литературы, а также опытов по воспроизведению других восточных текстов, то эта сторона его востоковедческой деятельности до сих пор мало известна.

Чтобы оценить вклад, который этот практик-ориенталист внес в историю русской науки и культуры, надо познакомиться с сохранившимися в различных архивах его рукописными материалами. Большая часть этих документов хранится в Архиве востоковедов ЛЮ ИВАН

¹ Шиллинг собрал большую этнографическую коллекцию, состоявшую из предметов быта и культуры народов Дальнего Востока (Коллекции № 8, 676 и 710 в Институте этнографии АН СССР).

СССР (ф. 56). Это — материалы к вопросу о состоянии русско-китайской торговли в 1820—1830 гг.; сведения о пограничной линии России с Китаем к востоку от Кяхты; статистические материалы по Забайкальскому краю, относящиеся ко времени поездки Шиллинга в Сибирь для разрешения острого и наиболее тогда вопроса, связанного с распространением в Забайкальском крае буддизма; а также документы, характеризующие его как организатора литографии и собирателя восточных ксилографов и рукописей. Значительную часть фонда составляют письма к Шиллингу от многих русских и иностранных корреспондентов, интересовавшихся или занимавшихся Востоком. Большинство документов Шиллинга теперь утратило практическое значение, но в историческом отношении они не лишены научного интереса².

Остановимся в нашей статье только на опытах Шиллинга по воспроизведению восточных текстов.

Первое в Европе издание с применением китайских, санскритских и арабских знаков было предпринято в XVIII в. в России в работах Т. З. Байера [38], правда еще не в виде подвижного набора, а с деревянных клише отдельных слов и начертаний. Однако со смертью Т. З. Байера, как писал акад. И. Ю. Крачковский, «слабая струя арабистических интересов в Академии наук заглохла на долгие годы» [17, 35—36]. Это относится и к воспроизведению китайских текстов.

Только в конце XVIII — начале XIX в. намечился довольно значительный рост «восточных» типографий. В 1805 г. в Петербурге была открыта первая в Европе типография с индийским (бенгальским) наборным шрифтом, организованная индианистом Г. С. Лебедевым [7, 59]. Центром таких типографий были Казанская губерния и Кавказ, где выпускалась печатная продукция на татарском, персидском, турецком и арабском языках, предназначенная для тюркоязычных народностей России [14; 24].

Если потребности арабистики были в какой-то степени удовлетворены появлением типографий, способных печатать литературу, основанную на арабском алфавите, то для дальневосточных языков этот вопрос еще не был решен. П. Савельев в одной из своих работ о русских ориенталистах писал, что большая часть членов пекинской миссии «возвращалась в отечество не только с глубокими знаниями в голове, но и с готовыми учеными трудами, которые составили бы немаловажное приобретение для науки, если бы все были изданы в свое время...» [26, 120].

Серьезная попытка решить эту важную для востоковедения задачу была предпринята Шиллингом, который в порядке опыта напечатал «Сань цзы цзин», «Да сюэ» и «Чжун юн». Выполненные под его наблюдением издания паразиты Европе изяществом и тонкостью исполнения. «Они могут сравняться, — писал А. Ремюза, — с книгами, самым великолепным образом напечатанными при пекинском дворе, и даже имеют преимущества на своей стороне» [18, 368].

До попытки Шиллинга Академия наук в конце 1810 г. решила организовать издание китайского словаря и каталога китайских и маньчжурских книг. В Берлин был командирован Ю. Клапрот «для вырезки там на дереве под его смотрением нужного числа слов как для

² Кроме Архива востоковедов материалы о Шиллинге имеются в Архиве внешней политики России (АВПР), в Центральном государственном историческом архиве СССР в Ленинграде (ЦГИАЛ), в Ленинградском отделении Архива Академии наук СССР (ЛО ААН СССР) и в Центральном музее связи им. А. С. Попова.

Считаю долгом принести благодарность проф. В. С. Колоколову за содействие в разборе иностранной корреспонденции Шиллинга.

напечатания китайского словаря... так и на составление нужного прибора для печатания впрямь на сих языках» [45, л. 78]. Однако командированный на шестимесячный срок Клапрот самовольно продлил свое пребывание за границей, а когда началась война с Францией, вообще отказался вернуться в Россию, не возвратив и шрифт, выполненный по его рисунку для Академии наук³.

Издания Шиллинга были напечатаны в организованном им в 1816 г. Литографическом заведении Государственной коллегии иностранных дел.

В 1815 г., обратив внимание Нессельроде на изобретенный в 1796 г. А. Зенефельдером и только что входивший тогда в употребление способ литографирования бумаг, Шиллинг был «тотчас же» командирован для ознакомления с этим способом на месте [21, 95]. 15 июля 1815 г. он был уже в Германии, где «желал теперь получить полные сведения о литографии, которую намерен был ввести в Петербурге» [28].

Пробыл Шиллинг в Германии более года. «Шиллинг по сию пору еще живет в Мюнхене,— писал Н. И. Тургенев своему брату 11/26 июля 1816 г. из Франкфурта,— ему поручено что-то там сделать, но он, как видно, не торопится» [12, 133].

Первая организационная поездка Шиллинга в Германию, очевидно, имела целью не только общее ознакомление с литографией, а также и детальное изучение самой техники печатания. Пока не удалось обнаружить материалов, свидетельствующих о возможном найме мастеров-литографов, о закупке оборудования или литографских камней. В то время вся Европа снабжалась только баварским камнем. В России литографский камень был найден в Подольской губернии в 1830 г., а впервые применен в 1832-м [13, 96].

Казалось бы, ведомственная принадлежность литографии должна была ограничить ее продукцию исключительно размножением министерских бумаг. Однако здесь мы видим, что Шиллинг при своей основной склонности к изобретениям и усовершенствованиям выступает прежде всего не как чиновник министерства, а как ученый-изобретатель. Воспоминаниями Н. И. Греча, журналиста и владельца известной в те годы типографии, подтверждается, что Шиллинг «не ограничивался обыкновенною литографиею, а старался усовершенствовать и приложить к новым производствам» и с этой целью «вздумал воспроизводить китайские письмена посредством литографии не простым рисованием их на камне, а произведением выпуклых букв, которые потом отпечатывались на обыкновенных типографских станках» [11, 568].

С воспоминаниями Греча перекликается свидетельство М. И. Броссе, который пишет, что Шиллинг «вздумал испытать еще другие средства. Он приказал вырезать на дереве доски наподобие китайских, оттиснул на них другия еп сгеих, без сомнения из алебаstra, и потом отлил в эти матрицы массу, подобную нашим типографским буквам. Каждая строка отлита была особо, и все они были потом соединены вместе, сверстаны, и этими-то рельефами, отличавшимися особенною чистотою, начал он печатание...» [20, 4].

К сожалению, приведенные свидетельства Н. И. Греча и М. И. Броссе не позволяют полностью раскрыть сущности технических секретов Шиллинга. И вряд ли удастся узнать их, пока не будет обнаружено описания этого способа, составленного самим Шиллингом, если такое,

³ В Ленинградском отделении Архива АН СССР хранится пробный оттиск этого шрифта, присланный Клапротом в 1812 г. [39 г].

конечно, существовало вообще⁴. Маньчжурские и монгольские знаки печатались с набора, а китайская иероглифика, несмотря на попытки создать подвижной шрифт, все же воспроизводилась только с литографского камня.

Чьему же искусству мы обязаны техническим совершенством изданий П. Л. Шиллинга?

Из финансового отчета о произведенных Шиллингом расходах в 1817 г. во время его второй поездки в Германию, которая была принята специально в связи с подготовкой к изданию пятиязычного «Китайско-маньчжуро-монголо-русско-латинского словаря» Петра Каменского, узнаем, что Шиллинг заключил контракт с литографами Карлом Вимбергером, Кеном и печатником Гирштером. Вимбергер и Гирштер приступили к работе в октябре 1817 г., Кен же, по-видимому, приехал в Россию гораздо позднее, он упомянут среди работников литографии как заступивший на место Вимбергера [40а, л. 116].

Иностранцы проработали в литографии недолго. Уже в июле 1818 г. был уволен Вимбергер. Вслед за ним ушли работавшие с момента основания литографии Деч и Бирстер. При участии последних выполнялись художественные издания литографии. Кен же, судя по сохранившимся материалам, работал в литографии до 30 июня, а Гирштер — до конца 1819 г. Выбывших иностранцев заменили русские ученики, «кантонисты», отданные в учение «литографическому искусству».

По весьма посредственным образцам китайский, маньчжурский и монгольский шрифты гравировали художники-граверы, которым не были известны ни формы начертания знаков, ни их смысл. Не исключено, что граверы при вырезывании пытались приукрасить знаки по-своему, и здесь, пожалуй, следует отдать должное Шиллингу как руководителю, добившемуся высокой степени совершенства.

В создании монгольского и маньчжурского, а впоследствии тибетского и, вероятно, уйгурского шрифтов специализировался некий Федор Иванович Гасс. По архивным материалам удалось установить, что Ф. И. Гасс, будучи в 1787 г. учеником «медальерного резного дела» при Петербургском монетном дворе, по представлению Монетного департамента был направлен на обучение в Академию художеств, чтобы «впредь в состоянии быть мог при монетном дворе медальные инвенции сочинять и со временем место медальера заступить и других тому искусству обучать» [42, ф. 575, Петров П. Н., 252].

Ф. И. Гасс был не только гравером, но и ближайшим помощником Шиллинга в делах по организации работы литографии. В отсутствие Шиллинга он исполнял обязанности заведующего [40а, л. 155]. В одном из писем за 1823 г. Гасс подробно отчитывался находившемуся в то время в Париже Шиллингу о состоянии дел в литографии [41к].

Мастером-художником, специализировавшимся на воспроизведении на камне китайских литер, был гравер Христиан Кек (Коек) из Майнца. 8 мая 1820 г. Гасс как заведующий литографией в очередное отсутствие Шиллинга сообщал, что гравер Кек продолжает работать «по части китайского лексикона» [40а, л. 155]. В 1821 г. Кек числится «находящимся при гравировании китайских литер» [40а, л. 159]. Затем встречаем упоминание о нем в 1824 г. 19 июня заведующий типогра-

⁴ Специальных записей о технических опытах как в области литографии, так и телеграфии пока не найдено. Так, например, «Описание электромагнитного телеграфа» было составлено по черновикам писем Шиллинга и опубликовано только в 1956 г. [6]. Некоторые сведения о принципах печатания сохранились во фрагменте записки Шиллинга, излагающей основные требования, необходимые для издания словаря [41в].

фией Московского университета П. Курбатов в письме к Шиллингу лестно отозвался о работавшем ранее у него Кеке [39а]. И наконец, письмо Шиллинга Ю. Клапроту, который обратился с просьбой воспроизвести копию четырех листов предисловия из «Дай Цин и тун чжи» с экземпляра, хранившегося в библиотеке Азиатского музея. «Я доставил себе удовольствие,— писал Шиллинг 27 ноября 1821 г.,— удовлетворить Вашему желанию, распорядившись исполнить факсимиле этих листов. Работа эта выполнена художником, услугами которого в гравировании китайских букв я пользуюсь уже три года... Это тот самый мастер, который исполнил Сань цзы цзин, экземпляра которого я имел честь послать Вам два года назад» [39б, л. 1].

Познакомившись вкратце с историей организации Литографического заведения МИДа, перейдем к вопросу подготовки издания словаря Каменского, ради которого, собственно, оно и было организовано.

В первый год своей деятельности литография МИДа, по-видимому, еще официально не функционировала. Когда же опыты Шиллинга показали преимущества нового способа размножения текстов, правительство, «желая поставить литографическое заведение при Государственной коллегии иностранных дел на прочном основании», только в июне 1817 г. утвердило штатное расписание и предусмотрело регулярное финансирование его деятельности [29]. Сам Шиллинг был назначен управляющим литографией год спустя [21, 95].

Решение правительства, пожалуй, безошибочно можно поставить в прямую зависимость от предполагавшегося издания словаря Каменского, так как за десять дней до него, т. е. 2 июня 1817 г., были подписаны «Правила, на основании коих предполагается приступить к напечатанию китайского словаря, сочиненного коллежским асессором Каменским». «Правила» предписывали привести литографию «в такое совершенство, чтобы предприятие сие могло быть начато и с успехом окончено» [40а, лл. 56—57].

Издание словаря придавалось большое значение. Когда в 1819 г. возник вопрос о назначении Каменского в Китай начальником очередной X духовной миссии, то со стороны МИД было выдвинуто возражение. Нессельроде, признавая, что Каменский имеет все данные для возглавления миссии, писал: «Министерство иностранных дел никак не может согласиться на отъезд сего чиновника. Его пребывание в С.-Петербурге слишком нужно, даже необходимо, как для дел коллегии, так и еще более для исправного издания словаря языков китайского и маньчжурского. Сей словарь, который должен своим появлением принести столько же пользы ученому свету, сколько чести нашему почитательному правительству, не может быть отпечатан прежде 8 или 10 лет; он требует безотлучных трудов и стараний Каменского» [4, 624].

Перед Шиллингом встал вопрос, каким же образом воспроизвести требующийся для издания словаря Каменского маньчжурский, монгольский и китайский тексты.

Хотя способ печатания с наборных литер был изобретен еще в XI в., однако этот прогрессивный метод в самом Китае осваивался медленно, даже в начале XX в. в Китае ксилография все еще находила широкое применение. Кстати, и литография получила там распространение только в последней четверти XIX в. Впервые она была применена миссионерами в 1874 г. [31, 423]. Поэтому Шиллингу пришлось идти своим путем. Его предшественники в известной степени повторяли опыт китайцев, т. е. применяли резьбу или на дереве — способ медленный и весьма несовершенный, или на меди — способ слишком дорогостоящий. Шиллинг решил прибегнуть к новому способу — литографии.

которая, по его мнению, более всего соответствовала природе китайской письменности [37].

В «Правилах», определивших техническую сторону издания словаря, подчеркивалось, что оно «имеет быть литографическое и вместе типографическое» [40а, л. 56 об.]. Такому решению предшествовала пояснительная записка Каменского «О китайской типографии» [40а, лл. 170—172], в которой излагались «причины невозможности к составлению подвижной наборной типографии». Главная его мотивировка, конечно, сводилась к отличию иероглифической письменности от алфавитной, что создало бы трудности при наборе. Ничего не сказано о таких моментах, как дороговизна изготовления шрифта или другие экономические затруднения.

Что же касается маньчжурского и монгольского текстов, Каменский считал, что хотя в Китае их печатают с резных досок, однако не исключена возможность составить и наборный шрифт. Он лишь высказал опасение, что «при прилагании одного слога к другому в наборной типографии прерывов избежать никак не возможно, что самое в печати их составит неприятную для глаза азиатца пестроту».

Подготовительная работа к этому мероприятию была проведена Шиллингом еще в первую его поездку за границу по делам литографии. Были выяснены возможности осуществления этой идеи во Франции. В записке А. Ремюза от 1 июня 1816 г., адресованной, как видно, через русское посла в Париже Шиллингу, находившемуся в то время в Мюнхене, Ремюза делился своими мыслями о том, каким должен быть этот «научный словарь, составленный на основе хорошей оригинальной лексики, обогащенный цитатами из хороших авторов и содержащий все сложные фразы и двусложные выражения, которые уже забыты в китайском языке,— вот то сочинение, которое ждет ученая Европа» [41г, л. 2 об.].

Ремюза сообщил подробные сведения о технических возможностях Парижа, где в то время имелись восточные шрифты, подчеркнув, однако, их несовершенство и устарелость.

Подобный же запрос был послан в Англию. В сохранившейся записке «Начертание средств, представляемых Англиею к напечатанию словаря Каменского», в частности, говорится: «...несмотря на непрерывные сношения с Китаем со времен 16 века, до днесь никто еще не думал о изобретении тисков китайских. Малое же количество начертаний в Лондоне обретающихся... хранящиеся в Музеуме Британском служат предметом одного любопытства» [40а, л. 75 об.—76].

В результате этих запросов словарь решено было печатать в Петербурге. В помощь Шиллингу для пересмотра и проверки корректурных листов были прикреплены С. Липовцев и автор словаря Каменский. Объем словаря предполагался в 1200 страниц. Тираж — 1000 экз. Срок издания был рассчитан на 6 лет, с 1818 по 1823 включительно. Общая смета расходов составила 139 тыс. руб. [40а, л. 58].

На отпущенные средства Шиллинг во второй приезд в Германию произвел закупку оборудования: 223 литографских камня, стальные перья и другие инструменты. Печатный стан был заказан в Англии. Литографские камни Шиллинг выбрал в Зелленгофене с помощью местного литографа Вейенгайнта, который также приготовил и образцы литографских чернил. В эту поездку Шиллинг посетил и изобретателя литографии Зенефельдера.

К моменту утверждения «Правил», на основании которых должен был печататься словарь, рукопись его, как видно, была далека от завершения. В одном из писем Каменского от 30 декабря 1817 г. сообща-

ется, что автор еще продолжает работать над латинской частью словаря [40а, л. 87]. Пробные оттиски первого листа словаря, о которых мы будем говорить ниже, резко отличаются друг от друга в передаче латинской транскрипцией маньчжурских и монгольских чтений. Как видно, она еще не совсем четко была выработана самим автором.

Печатание словаря предполагалось осуществить следующим образом. В типографии Н. Греча в два приема предполагалось печатать с набора четыре текста, а именно: русский и латинский, маньчжурский и монгольский. Набор двух последних должен был сделать резчик Гасс. Затем в литографии МИД с камня имелось в виду печатать китайский текст.

Первый опытный оттиск, судя по сохранившимся образцам, не удовлетворил Шиллинга, и он продолжал добиваться усовершенствования всех трех восточных текстов. Шиллинг заставлял своих «словорезов» упражняться в писании иероглифов китайской кистью. Если посмотреть поздние издания Шиллинга, то можно увидеть, насколько хорошо художник-гравер освоил это искусство. Он наносил знаки прямо на камень и затем, как пишет Греч, «вытраивал он поверхность камня, оставляя только именно то, что покрыто начертанием письмен», вот почему «никто в целой Европе не мог догадаться, как это делается» [11, 568].

Ремюза и Сильвестр де Сасси, получив первый пробный оттиск, писали, что китайские и монгольские слова «весьма красивы и показывают искусную и привычную руку» [41д, л. 3]. Каменский, отвечая на такой лестный отзыв, заметил, что теперь «Шиллинг в течение времени деятельностью своею маньчжурские и мунгальские письмена довел уже до такого совершенства, что оттискиваемые слова не уступают оттиснутым среди Китая» [40а, л. 86об.].

Поздний опытный экземпляр подтверждает слова Каменского. Монгольские и маньчжурские знаки отличаются особым изяществом и могли бы стать истинным украшением (правда, возможно, только внешним) словаря, если бы ему суждено было появиться в свет. Единственный их недостаток — слишком крупный шрифт, не удовлетворявший Шиллинга. По образцам, выполненным Гассом, он заказал Шелтеру в Лейпциге мелкий шрифт. Ремюза, ознакомившись с этими образцами, писал Шиллингу: «Продолжая дальше расчленение этих знаков, Вы добьетесь не меньших успехов в маньчжурском, чем в китайском» [41л, л. 2].

Почему же, несмотря на освоенную Шиллингом технику воспроизведения восточных текстов, словарь Каменского так и не был напечатан?

В архиве востоковедов хранится крайне отрицательная «Рецензия на пятиязычный словарь, издаваемый Г. Каменским», написанная Н. Я. Бичуриным [41а, лл. 132—143]. Рукопись не имеет даты. Написана она, скорее всего, сразу же по возвращении Бичурина из Пекина, т. е. между январем 1822 г. и сентябрем 1823 г., когда он был отправлен в ссылку на Валаам.

Рецензия содержит примеры «великого множества погрешностей», которые Бичурин нашел в словаре, он упрекал Каменского в пренебрежительном отношении к маньчжурским переводам китайских выражений. Вполне вероятно, что эта рецензия в какой-то степени отразилась на последующих научных устремлениях Каменского, который во второй период (1819—1831 гг.) пребывания в Китае в должности начальника миссии ничего нового для русского китаеведения не дал. Разочаровавшись в судьбе, он писал в одной из поздних дневниковых записей:

«О Китай, много ты у меня унес бесценного времени. 27 лет проведено над машинальными только твоими занятиями, но утешает одно только то, что потеряно оное бесцельное время на службе. Если бы не это, то никакими слезами толикой утраты оплакать было бы невозможно» [41б, лл. 107—108].

Если Бичурин отметил недостатки внутреннего содержания словаря, не касаясь его технического исполнения и построения, то Ремюза, горячо приветствовавший идею издания, наоборот, основное внимание сосредоточил на его структуре. Расположение материала «по порядку предметов» он находил совершенно неприемлемым и считал, что система, разработанная Каменским, сильно затруднит использование словаря для чтения текстов [40а, 84об.].

Доказанная Бичуриным «бесполезность столь неисправного словаря» и существенные замечания Ремюза, а также и Сильвестра де Сасси, по-видимому, были одной из немаловажных причин отказа от издания, хотя необходимость в словаре была очевидна. Сам же Шиллинг, начавший изучение китайского языка только со времени своего участия в подготовке этого издания, конечно, возразить ничего не мог, поскольку, «как он ни был любознателен и начитан, не знал порядочно восточных языков, следовательно, должен был смотреть на все глазами других» [5, 322].

Известную роль сыграл и отъезд Каменского в Китай, хотя, впрочем, если бы рукопись была полностью завершена, то это вряд ли могло иметь сколько-нибудь существенное значение. Гораздо серьезнее было «отпускать министерству иностранных дел в течение шести лет, начиная с 1 января 1818 г., по 20 000 рублей ежегодно», а поскольку к 1823 г. фактически израсходована была сумма за один только 1818 год, то остаток средств обращен был «на выполнение других по высочайшим указам на Государственное казначейство возложенных расходов» [40а, л. 169].

Русским китаистам того времени, крайне нуждавшимся в пособиях, приходилось самим заниматься составлением словарей. До нас дошло много лексиконов, оставшихся в рукописи [23]. Своевременное издание некоторых из них несомненно принесло бы пользу, но издание словаря Каменского вряд ли оправдало бы надежды властей на то, что он должен был «своим появлением принести столько же пользы ученому свету, сколько чести... правительству». Появление словаря Каменского не явилось бы большим достижением русского китаеведения, так как по своей структуре, не говоря уже о достоверности переводов, он не отвечал основным требованиям, предъявляемым к таким изданиям.

Отечественное востоковедение того времени, несмотря на удачные опыты Шиллинга, все же не получило пособия подобного рода. Здесь уместно вспомнить и о «Китайско-маньчжурско-латинско-русском» лексиконе З. Ф. Леонтьевского [41м], которому, «к стыду тогдашнего русского общества и правительства,— как писал В. М. Алексеев,— не пришлось увидеть света» [2, 79]. Латинизированная часть словаря Леонтьевского, по мнению В. М. Алексеева, должна была сделать словарь международным. На это же, по всей вероятности, претендовал и Каменский.

Опыты Шиллинга в процессе подготовки словаря Каменского создали условия для издания в виде пробы небольшого по объему памятника китайской литературы. Выбор пал на «Сань цзы цзин» («Троесловие»), содержащий только 1068 знаков. Напечатан он был в 1819 г. с весьма посредственного по техническому исполнению китайского оригинала [43, Д—49].

В сохранившейся части личного архива Шиллинга находятся материалы, связанные с изданием «Сань цзы цзин» [41e]. Это отдельные листы пробных оттисков и калькированный макет иероглифического текста, а также обширная переписка с известными синологами того времени, позволяющая исправить ошибочное утверждение нашей литературы о том, что Шиллинг только «в 1829 г. разработал особый литографский способ воспроизведения китайских текстов, который впервые применил при печатании переведенного Н. Я. Бичуриным китайского „Троесловия“» [3, 378].

Экземпляр шиллинговского «Сань цзы цзина» 1819 г. хранится в фондах Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина [Дорн, 835]. По своему внешнему виду эта книга ничем не отличается от китайских изданий. Издатель позаботился даже о воспроизведении полного подобия китайской бумаги. Для этого на фабрике Ольхина, находившейся под Петербургом, в Белоострове, специально была заказана бумага «на китайский манер».

В переписке Шиллинга мы находим восторженные отзывы о технических достоинствах этого издания. Наиболее ранним из них является письмо Монтуччи (от 22 ноября 1819 г.), который писал: «Получив экземпляр Сань цзы цзин на китайской бумаге, принял его за издание, отпечатанное в Китае, и при том за одно из самых превосходных изданий, какое только может быть выполнено в этой стране. Я поражен, убедившись, и притом так, что не остается ни малейшего сомнения, что издание выполнено в Европе и человеком, который два года назад не имел еще представления ни об одной китайской букве! Мне никогда не приходилось видеть ни одной страницы, напечатанной в Европе, которую можно было бы, хотя бы и в слабой степени, сравнить с этим шедевром китайской печати. Тщательность исполнения и красота вызвали бы удивление даже у знатока-китайца» [39в, л. 5].

Аналогичным был отзыв А. Ремюза, который тоже работал над проблемой технического воспроизведения китайских текстов⁵. Не без умысла, конечно, письму был предпослан элиграф на китайском языке: «Дракону не скрыть своей чешуи, фениксу не спрятать своих перьев». Ремюза писал: «К интересу, который не смогло не вызвать во мне Ваше начинание, Вы пожелали присовокупить еще и любопытство, и мне никак не удастся отрицать, что в этом Вы весьма преуспели. Все же я думаю, что принятые Вами меры предосторожности излишни... если к Вашему способу, уже примечательному по своим достоинствам, присоединить преимущество быть продуктивным и недорогостоящим, то Вы сможете тогда обольщаться тем, что оказали самую знаменательную услугу лицам, занимающимся китайской литературой, — разномножение текстов было единственным средством, которого им недоставало...». Далее автор письма продолжал: «Вы обладатель замечательного секрета, с которого вряд ли будете спешить снять покров тайны, даже в интересах любителя литературы... но если Вы решите, к чему я позволю себе вольность побудить Вас, получить известность очень быстро, то можете рассчитывать на мою готовность опубликовать в „Journal du Savants“ или в других журналах все достоинства Вашего способа» [41л, л. 1—1 об.].

Удача с напечатанием «Сань цзы цзин» натолкнула Шиллинга на мысль осуществить издание еще двух памятников китайской литерату-

⁵ В 1822 г. в Париже он издал китайскую грамматику под названием «*Éléments de la grammaire Chinoise*». По свидетельству Н. Я. Бичурина, она отличалась «чисто вырезанными китайскими буквами».

ры. Он привел в замешательство «неверующих» тем, что в 1823 г. издал книги «Да сюэ» и «Чжун юн», выглядевшие несравненно изящнее, чем «Сань цзы цзин» [18, 370].

Это было не повторение опыта «Сань цзы цзин», а поиски новых возможностей усовершенствовать технику литографирования китайских текстов. Новые книжки отличаются от «Сань цзы цзин» не только своим внешним видом, но и техникой исполнения. В «Сань цзы цзин» знаки были выгравированы стилем *чжэнтцизы*, а «Да сюэ» и «Чжун юн» более сложным для исполнения стилем — *кайшу*.

В Ленинградском отделении ИВАН СССР сохранилось по одному экземпляру этого издания [43; «Да сюэ» Е-788; «Чжун юн» Е-789]. Напечатаны они на веленовой бумаге, первоначально предназначавшейся для особых 50 экземпляров словаря Каменского. По одному экземпляру этих книг хранится также в ГПБ [42; «Да сюэ» Дорн-733; «Чжун юн» Дорн-734]. В отличие от первых двух напечатаны они на бумаге «на китайский манер» и, что очень существенно, имеют дарственные надписи Шиллинга Сухтелену.

Если первое издание «Сань цзы цзин» с точки зрения правильности написания иероглифов исполнено безукоризненно (имеются даже два случая исправления иероглифов, неправильно выгравированных в оригинале), то в «Да сюэ» и «Чжун юн» встречаются незначительные погрешности. В нескольких случаях в иероглифах недостает точек или черт. Это явление легко объясняется отсутствием китаиста-корректора, каковыми прежде могли быть находившийся в то время в Китае Каменский или сосланный на Валаам Бичурин.

Китайских оригиналов, с которых напечатаны «Чжун юн» и «Да сюэ», обнаружить пока не удалось.

После удачных опытов с воспроизведением китайских, маньчжурских и монгольских текстов Шиллинг занялся подготовкой к изданию тибетских книг. И здесь он продолжал совершенствовать технику печати. Так, находясь в 1830 г. в Кяхте, Шиллинг поручил Гассу отпечатать золотом текст тибетской молитвы. В порядке опыта из-за дороговизны исполнения Гасс сделал только 10 экземпляров, 9 из них бронзой, а один — золотом. По указанию Шиллинга печатание было произведено не на увлажненной, как обычно, бумаге, а на сухой, но «первый пробный отпечатанный... на сухой бумаге экземпляр, когда натерт был бронзой и высох, то совершенно не годился никуда, ибо начал лупиться, но, чтоб без мочки бумаги хорошо держалась литографическая краска, гг. Гассом и Рахониным⁶ изобретено удачное средство, о котором я умалчиваю,— писал один из сотрудников Шиллинга, С. Иванов,— для того, чтобы (доставить) узнать, угадаете ли Вы на Кяхте, какое средство было ими употреблено» [41, лл. 1 об.—2].

Во время пребывания в Кяхте у Шиллинга возникла мысль издать факсимиле индекса к «Данджуру» и «Ганджуру». Для этой цели он привез с собой в Петербург бурята, которому поручил копирование. Работа была завершена в 1833 г. Шиллинг написал к индексу «Предисловие», которое является единственной известной нам его печатной работой по востоковедению [35]. По образцам рукописей его коллекции были подготовлены образцы тибетских литер, но издание индекса из-за возвращения бурята на родину осуществить не удалось.

Из сочинений на тибетском языке нам известно издание «Махаяна-сутры», изданной Академией наук по образцам Шиллинга в 1845 г. в Лейпциге [36].

⁶ Фамилия Рахонина встречается впервые, выяснить его личность не удалось.

Найденный Шиллингом способ воспроизведения тибетских текстов прельщал бурятское духовенство возможностью организовать более продуктивное издание буддийских сочинений и молитв. Это, по-видимому, явилось одной из причин успеха Шиллинга в собирании редких рукописей среди лам, которые, по мнению В. П. Васильева, «не согласились бы выпустить их из своих рук, тем более что между ними много заветных, которых набожный лама и не покажет профану» [5, 323]. По поручению Шиллинга, например, в Петербурге было отпечатано и разослано по дацанам 14 ящичков с тибетским текстом изречения из популярной молитвы «Ом, мани падмэ хум» [41ж].

Все основные издания восточных текстов были выпущены в первые годы существования литографического заведения МИД (1819—1823). Однако деятельность Шиллинга в этой области продолжалась и в последующие годы. Об этом свидетельствуют хотя бы приведенные выше опыты с тибетскими текстами и издание в 1829 г. переведенного Бичуриным «Троесловия» [27].

В архиве востоковедов сохранились также материалы, свидетельствующие об опытах Шиллинга в литографировании персидского, арабского и, по предположению специалистов, авестийского текстов. Они относятся примерно к 1823 г. Необходимость в них, по всей вероятности, подсказывалась Шиллингу практическими интересами МИДа. Успехи преподавания персидского и арабского языков, введенных в Казанском и Петербургском университетах, были признаны недостаточными для специальных целей министерства. В 1823 г. при Азиатском департаменте МИДа было создано Учебное отделение восточных языков, главной целью которого было практическое усовершенствование слушателей в знании разговорного и письменного языков — турецкого, персидского и арабского [21, 96]. Опыты Шиллинга могли быть вызваны потребностью в учебных пособиях для слушателей организованного отделения.

Среди оттисков на упомянутых выше языках сохранились первые листы из «Шах-намэ», «Паид-намэ», а также тексты Корана и образец персидского частного письма.

Под наблюдением Шиллинга в литографии МИДа были также отпечатаны образцы грузинской каллиграфии [19, 156].

К сожалению, едва ли нам удастся установить полный перечень изданий Шиллинга. Помимо перечисленных произведений, как сообщал Ремюза, «он издал также золотым тиснением по голубому полю текст публичного чтения, преподанного Богдо-ханом Киа-Кингом (Цзя цинном. — Л. Ч.) о первой статье (фразе) Тай-Гио («Дасюэ». — Л. Ч.); также книжку, содержащую в себе 15 дипломатических сношений, писанных Татарскими князьями к Пекинскому двору на китайском и уйгурском⁷ языках» [18, 371].

К свидетельству Ремюза следует добавить выдержку из отчета Броссе, где сказано, что Шиллинг начал «печатание сочинения, которое было еще без заглавия. Автор этого отчета видел сии опыты в числе оставшихся после него (Шиллинга. — Л. Ч.) вещей, поступивших в Этнографический музей⁸; остается пожелать, чтобы они были сохранены,

⁷ Принимая во внимание общность элементов уйгурской письменности с маньчжурской и монгольской, можно предполагать, что уйгурский шрифт был выгравирован Ф. И. Гассом.

⁸ С. Е. Малов в своей работе «Памятники древнетюркской письменности» (М.—Л., 1951, стр. 218), ссылаясь на переведенные Амьо и Клапротом «15 документов минской династии из Восточного Туркестана», пишет, что «литографированное старое издание 15 документов минской династии на китайском и уйгурском языках имеется в Инсти-

дабы могли служить образцами тем, которые занимаются решением задачи печатать китайские книги по возможности с меньшими издержками» [20, 4].

Обнаруженные издания Шиллинга, как правило, анонимны. Только сохранившиеся в его личном архиве опытные образцы и черновые материалы, а также переписка помогли подтвердить наши предположения.

Пытаясь установить список осуществленных Шиллингом изданий, мы обнаружили, что они не подвергались цензуре. Так, в «Ведомостях о рассмотренных и одобренных к напечатанию С.-Петербургским цензурным комитетом рукописях» не зарегистрировано ни одно из его изданий 1819—1823 гг. Это, вероятно, объяснялось отсутствием в то время в Петербурге производственных восточных типографий⁹, а может быть, и особым положением МИДа. К тому же мы полагаем, что осуществленные Шиллингом издания проводились только в порядке опыта подготовки словаря Каменского. Все они были выполнены именно в те годы, когда отпускались средства на словарь.

Из приведенных выше фактов видно, что литографическая деятельность Шиллинга получила широкое признание. Свидетельством его успехов может служить также приезд в Петербург в конце 1833 г. сотрудника Британского библейского общества Д. Барроу для печатания части «Нового завета» на маньчжурском языке. Издание это было завершено к августу 1835 г. Весь тираж, за исключением семи экземпляров, Барроу увез в Англию [40б, лл. 1—16]. Исключение за печатанием английского заказа вел С. Липовцев, который еще в 1822 г. подготовил перевод части Евангелия на маньчжурский язык и напечатал его у Шиллинга по заказу Русского библейского общества [18, 372—373].

Наконец, нам остается коснуться еще одной стороны в литографической деятельности Шиллинга — литографирования восточных карт и планов¹⁰. Мы не располагаем конкретными архивными материалами, которые сохранили бы отдельные экземпляры выполненных им работ такого типа. Однако имеющиеся в нашем распоряжении три косвенных упоминания позволяют предположить, что Шиллинг занимался подготовкой их к изданию.

А. Ремюза в письме от 8 января 1820 г., выражая Шиллингу благодарность за присланное издание «Сань цзы цзин», писал: «На карте, в которую был завернут пакет, безусловно, не по оплошности, а для того, чтобы скользнуть по ней глазом и увидеть множество маньчжурских знаков, Вы позволили мне заключить, что занимаетесь параллельно и этой частью восточной типографии...» [41л, л. 2].

Вторым свидетельством, относящимся к более позднему времени, служит дело «О переводе на один из европейских языков карты (на 119 лл.— Л. Ч.) китайского государства, найденной в кабинете... императора Александра Павловича» [44]. П. К. Сухтелен, выяснив, что такой карты нет в Военно-топографическом депо, в своем отношении туте востоковедения АН СССР». Вполне возможно, что это издание Шиллинга. Однако найти его пока не удалось.

Поиски этого сочинения среди сохранившихся в Музее этнографии АН СССР коллекций Шиллинга не принесли результатов.

⁹ Судьба упомянутой выше индийской типографии Г. С. Лебедева остается неизвестной. Скорее всего, после смерти Лебедева в 1817 г. она прекратила свое существование.

¹⁰ Сам факт литографирования Шиллингом карт не вызывает сомнений. Так, на карте военных действий в период Отечественной войны 1812 г., приложенной к первой книжке «Военного журнала» за 1817 г., значится: «Гравировано на камне и отпечатано в Литографическом заведении Государственной Коллегии иностранных дел в С.-Петербурге в 1817 г.».

от 3 января 1827 г. писал Шуберту (Ф. Ф.—Л. Ч.)¹¹: «Угодно, чтобы... карта китайского государства была переведена на один из европейских языков, преимущественно же на русский, о чем, сообщая Вам, честь имею уведомить, что, если для сего может служить предпринятая работа г. бароном Шиллингом... снабдить господина Шиллинга зависящими от Вас пособиями для успешного окончания сего занятия» [44, л. 4].

Говоря о «предпринятой» работе Шиллинга, вряд ли Сухтелен имел в виду опыты восьмилетней давности. Здесь непременно имели место факты близкие к 1827 г.

Наконец, третий документ, свидетельствующий о литографировании планов,—сохранившееся обязательство гравера Якова Иванова от 6 февраля 1830 г., которым последний брал на себя выполнение граверных работ «На плане Пекина» [41з].

Подводя итог литографической деятельности Шиллинга, следует подчеркнуть, что его опыты так и не получили дальнейшего практического применения. Лишь за два года до его смерти при печатании в типографии Гемильяна китайской грамматики Н. Я. Бичурина [30] был применен его способ. Однако китайский текст в этом издании по своему внешнему виду далек от того совершенства, которое Христиан Кек придал иероглифам в шиллинговских изданиях.

Издания книг с китайскими иероглифами не возобновлялись в России вплоть до начала 60-х годов, когда типографией Академии наук были получены заказанные адмиралом Путятиным в Гонконге матрицы для китайских иероглифов, которые прибыли в 1862 г. и были разобраны в 1863 г. акад. М. И. Броссе [1, 54].

Бескорыстное отношение к науке, побуждавшее Шиллинга к организации изданий трудов русских востоковедов или приобретенных им памятников с восточными текстами, не нашло в те годы ни поддержки, ни достойных продолжателей, отодвинув тем самым на долгие годы решение такого важного для востоковедения вопроса.

Здесь уместно также вспомнить и о плодотворной деятельности Шиллинга по собиранию восточных рукописей и ксилографов, касающихся вопросов истории, экономики, этнографии, культуры Китая и сопредельных с ним государств и народов Азии. Поступление его собраний в библиотеку Азиатского музея значительно укрепило научную базу отечественного востоковедения. Однако нельзя не упомянуть о том факте, что более поздние и не столь значительные поступления в Азиатский музей коллекций А. О. Ивановского, П. А. Дмитревского, А. Н. Гудзенко и других сохранили имена собирателей, а ценные во всех отношениях коллекции Шиллинга вошли в фонд под общим названием «коллекция Броссе» по имени составителя описи [8; 9; 10]. Тем самым несправедливо забытой оказалась роль Шиллинга в деле развития отечественного востоковедения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Академическая типография. 1728—1928, Л., 1929.
2. Алексеев В. М., О роли русской китаистики XIX в. в лексикографии, — КСИБ, XVIII, М., 1956.
3. Биографический словарь деятелей естествознания и техники, М., 1959, т. 2.

¹¹ Шуберт Федор Федорович (1789—1865) — русский геодезист. Сын академика Ф. И. Шуберта. В 1922 г. организовал корпус военных топографов и издание «Записок» всенно-топографического дела. Служа в Генеральном штабе, вместе с отцом был командирован в составе миссии Головина в Китай. Помимо своей основной специальности занимался также нумизматикой.

4. Вагин В., Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 г., СПб., 1872, т. II.
5. Васильев В. П., Записка о восточных книгах в С. Петербургском университете, — «Русский вестник», 1855, т. XI.
6. Вопросы истории естествознания и техники, М., 1956, вып. 1.
7. Воробьев-Десятовский В. М., Русский индианец Герасим Степанович Лебедев, — «Очерки по истории русского востоковедения», М., 1956, сб. 2.
8. Горбачева З. И., Китайские географические сочинения из коллекции рукописей и ксилографов Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, — «Страны и народы Востока», М., 1959, вып. 1.
9. Горбачева З. И., Китайские ксилографы и старопечатные книги собрания Института востоковедения Академии наук СССР, — «Ученые записки Института востоковедения», М.—Л., 1958, т. XVI.
10. Горбачева З. И., Китайские медицинские труды в коллекции Ленинградского отделения Института народов Азии Академии наук СССР, — «Страны и народы Востока», М., 1961, вып. II.
11. Греч Н., Барон Павел Львович Шиллинг фон-Канштадт, — «Северная пчела», 1853, № 142.
12. Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу, М.—Л., 1936.
13. Журнал Министерства внутренних дел, 1832, кн. II.
14. Закиров С. З., Издания на восточных языках в Казани в первой половине XIX века, — «Народы Азии и Африки», 1961, № 6.
15. Изобретатель электромагнитного телеграфа Павел Львович Шиллинг. К столетию со дня рождения, СПб., 1886.
16. Коростин А. Ф., Начало литографии в России. 1816—1818. К 125-летию русской литографии. Государственная библиотека им. В. И. Ленина. Собрание работ по книговедению, вып. 1, М., 1943.
17. Крачковский И. Ю., Очерки по истории русской арабистики, — «Академик Игнатий Юлианович Крачковский. Избранные сочинения», т. V, М.—Л., 1958.
18. О изображении китайских писмен и любопытных изданиях барона Шиллинга, — «Азиатский вестник», 1825, кн. IV.
19. Орбели Р. Р., Грузинские рукописи Института востоковедения АН СССР. Вып. 1. История, география, путешествия, археология, законодательство, философия, языкознание, библиография, М.—Л., 1956.
20. Отчет экстраординарного профессора М. И. Броссе о китайской библиотеке Азиатского музея имп. Академии наук, — ЖМНП, 1841, т. XXX, отд. III.
21. Очерки по истории Министерства иностранных дел. 1802—1902, СПб., 1902.
22. Пашенцев Д. С., Россия — родина электрической телеграфии. Вопросы истории отечественной науки. Общее собрание АН СССР, посвященное истории отечественной науки, 5—11 января 1949 г., М.—Л., 1949.
23. Петров Н. А., К истории изучения китайского языка в России (Рукописные словари, хранящиеся в Архиве востоковедов Ленинградского отделения Института народов Азии АН СССР), — «Дальний Восток». Сборник статей по филологии, истории, философии, М., 1961.
24. Пятицкий В. А., К истории книгопечатания арабским шрифтом в Европейской России и на Кавказе. Сборник Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, М., 1928, т. 1.
25. Русский биографический словарь, т. Шебанов-Щютц, СПб., 1911.
26. Савельев П., Восточные литературы и русские ориенталисты, — «Русский вестник», 1856, март.
27. Сань цзы цзин, или троесловие с китайским литографированным текстом, пер. с кит. монахом Иакинфом, СПб., 1829.
28. С.-Петербургские ведомости, № 166, 3.VIII.1860.
29. Указ данный Коллегии иностранных дел о штате для Литографического заведения, — Полное собрание законов Российской империи, т. XLIV, ч. II, Книга штатов, отд. III и IV, СПб., 1830.
30. Хань-вынь-ци-мын. Китайская грамматика, сочиненная монахом Иакинфом, СПб., 1835.
31. Чжунго цзиньдай чубань шиляо (Материалы по истории печати в Китае в новое время) (на кит. яз.), Шанхай, 1954, т. II.
32. Яроцкий А. В., О деятельности П. Л. Шиллинга как востоковеда, — «Очерки по истории русского востоковедения», М., 1963, сб. 6.
33. Яроцкий А. В., О деятельности экспедиции П. Л. Шиллинга в Забайкалье, — «Труды Кяхтинского музея краеведения им. В. А. Обручева и Кяхтинского отдела Географического общества СССР», т. 18, Улан-Удэ, 1961.
34. Яроцкий А. В., Павел Львович Шиллинг, 1786—1837, М., 1963.
35. Bibliothèque bouddhique ou Index du Gandjour de Nartang, composé sous la direction du Baron Shilling de Canstadt. Avantpropos. (Lu le 26 novembre 1847), — «Bulletin»

fin de la Classe des sciences historiques, philologiques et politiques de l'Académie Impériale des sciences de Saint-Petersbourg», t. IV, № 22.

36. «Das ehrwürdige Mähājanasūtra mit Namen: das unermessliche Lebensalter und die unermessliche Erkenntniss», St.-Pb., 1845.
37. Le Moniteur Universel, № 98, 7 avril 1817.
38. Theophili Sigefridi Bayeri, Museum Sinicum, tomus primus, St.-Pb., 1730; ibid, tomus secundus, St.-Pb., 1730.

Архивные материалы

39. Архив Академии наук (Ленинградское отделение):
 - а) ф. 85, оп. 3, ед. хр. 35, б) ф. 85, оп. 3, ед. хр. 40, в) ф. 85, оп. 3, ед. хр. 62, г) ф. 89, оп. 1, ед. хр. 160.
40. Архив внешней политики России:
 - а) Главный архив, IV—50, оп. 146, д. № 1, 1816—1823, б) Главный архив, II—26, оп. 71, д. № 1, 1833—1836.
41. Архив востоковедов Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР:
 - а) ф. 7, оп. 1, ед. хр. 38, б) ф. 24, оп. 1, ед. хр. 14, в) ф. 56, оп. 1, ед. хр. 62, г) ф. 56, оп. 1, ед. хр. 69, д) ф. 56, оп. 1, ед. хр. 76, е) ф. 56, оп. 1, ед. хр. 83, ж) ф. 56, оп. 1, ед. хр. 89, з) ф. 56, оп. 1, ед. хр. 103, и) ф. 56, оп. 2, ед. хр. 16, к) ф. 56, оп. 2, ед. хр. 51, л) ф. 56, оп. 2, ед. хр. 67, м) разряд 1, оп. 1, ед. хр. 73.
42. Рукописный отдел Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
43. Фонд китайских ксилографов Рукописного отдела Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР.
44. Центральный Государственный военно-исторический архив СССР, ф. 40, оп. 1/1453, связка 3, д. № 146.
45. Центральный Государственный исторический архив СССР, ф. 733, оп. 12, ед. хр. 18.